

Масонство в романе Л. Н. Толстого «Война и Мир»

1. Источники

«Кажется бы не от чего, но очень устал, милая моя душенька, и напишу коротко. После кофе пошел в Румянцевский музей и сидел там долго, читал масонские рукописи, очень интересные...¹⁾» так писал Л. Н. Толстой своей жене из Москвы в Ясную Поляну 15-го ноября 1865 года. В письме от следующего дня²⁾ также содержится указание, что в Румянцевском музее автор «Войны и Мира» нашел много интересных материалов.

Приведенные выше письма не являются единственным свидетельством того интереса, который проявлял Толстой к масонским материалам, — имеются и другие указания. Одним из них является свидетельство американского дипломата Скайлера, которое в особенности заслуживает внимания. В шестидесятых годах прошлого столетия американским консулом в Москве был молодой дипломат Евгений Скайлер. Он весьма интересовался Россией, видимо ее полюбил, знал русский язык, знакомился с русской жизнью, историей и литературой, знакомил с ними и своих соотечественников: написал двухтомную историю Петра Великого и переводил Толстого и Тургенева. В Москве он был принят очень хорошо и бывал во многих московских домах. Бывал он и в известном салоне кн. В. Ф. Одоевского, где собирались литературные знаменитости и вообще известные люди того времени. Там Скайлер встретился с Толстым, сблизился с ним и получил приглашение приехать в Ясную Поляну. Этим приглашением он воспользовался осенью 1868 года, когда хозяин Ясной Поляны усиленно работал над подготовкой «Войны и Мира».

Скайлер довольно долго пробыл у Толстого, много с ним беседовал и подробно записал свои впечатления, видимо точно воспроизводя слова самого Толстого. Вот что говорится там по поводу масонства:³⁾

1) «Письма графа Толстого к жене». 1862-1910. Под ред. А. Е. Грузинского. Москва 1912. 8°. № 51. Стр. 60.

2) То же. № 52. Стр. 61.

3) «Граф Лев Николаевич Толстой». Воспоминания Евгения Скайлера. Перевод и сообщ. А. Ф. Г. (амбургер). «Русская Старина» 1890. Сент. 631-656, Окт. 261-277, Сент. 650.

Подлинники напечатаны в Scribner's Magazine видимо в 1889 г. (этого года нет в Нац. Библиотеке в Париже).

«Иногда легко видеть, каким влияниям подчинялся автор «Войны и Мира». История и влияние масонства в России были в то время новым предметом изысканий, когда преграды к изучению истории и критике постепенно ослабевали. Чтение целой серии статей в Русском Вестнике о масонстве во времена Екатерины и книги Лонгинова «О Новикове», сделало Пьера масоном».

И далее⁴⁾: «Во время моего посещения... Толстой был все еще занят изучением масонства и прилежно читал мистические сочинения Новикова и других с единственной целью понять психологическую историю первых времен столетия, не имея вовсе намерения отыскать высшей пользы этих мнений для человечества. Он просто вычитывал — если хотите доискивался — характер Пьера и не должно представлять себе участие Пьера в масонстве, как опыт или умственный процесс Толстого»⁵⁾.

Мистическая литература вообще видимо весьма привлекала Толстого и этот интерес у него долго сохранялся. Из его переписки с Н. Н. Страховым видно⁶⁾, что еще в девятидесятых годах он уделял внимание трудам г-жи Гюион и аббата Пуаре, кои пользовались великим почетом у русских масонов александровского времени. Но чтение этих мистических книг менее отразилось на изображении масонства в «Войне и Мире». Гораздо большую роль сыграла обильная литература того времени о Новикове.

Скайлер совершенно прав говоря, что в 60-х годах история и влияние масонства в России были «предметом новых изучений». Конечно, устное предание о Новикове и его времени сохранялось в Москве, в кругах близких «Университетскому Благородному Пансиону» и среди «архивных юношей». Но писать об этом в Николаевскую эпоху было нельзя. С началом нового царствования положение изменилось и в несколько лет являється обширная литература, посвященная Новикову и его друзьям. Первой по времени была статья Н. С. Тихонравова в юбилейном издании Московского Университета, посвященная Шварцу (в 1855 г.). За нею следует ряд статей, посвященных Лопухину, Новикову, Гамалю, Невзорову, Поздееву, напечатанных в «Архиве Юридических и Практических Сведений», в «Летописи Русской Литературы и Древностей», в «Библиографических Записках». Примерно в это же время в «Русском Вестнике» М. Н. Лонгинов начинает печатать

4) То же. Стр. 655.

5) Таково же примерно мнение и Мережковского. См. «Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество». Исследование. 2 тома. СПб 1909 (4-е изд.).

6) Толстовский Музей. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб 1914. 8°. Стр. 411 (№№ 237 - 238).

тать свои статьи о Новикове и Шварце и в 1867 году выходит его капитальный труд «Новиков и Московские Мартинисты». В том же году — отчасти ответом на книгу Лонгинова — начинают печататься в «Вестнике Европы» известные статьи А. Н. Пыпина, посвященные истории русского масонства в самом начале его возникновения в России.

У всех авторов, несмотря на различие их настроений и направлений, была одна общая черта: все они единодушно признавали исключительные заслуги Новикова и его соратников в деле русского просвещения. От этого не отступил и Пыпин, в общем относившийся к масонству отрицательно.

Вся эта литература была хорошо известна Толстому, в особенности писания Лонгинова. Толстой был лично с ним знаком⁷⁾ и постоянно встречался с ним в Туле, где Лонгинов в то время служил.

Есть мнение, что Лонгинов был масоном, принадлежал к нерегулярным мартинистским ложам, которые долго сохранялись в России. Проверить это теперь нет возможности, но это и не так существенно. Лонгинов был пламенным почитателем Новикова и литературу вопроса, и архивные материалы знал прекрасно. Он мог и видимо был для Толстого ценнейшим сотрудником во всем, что касалось масонства. Можно думать, что благодаря ему изображению александровского масонства вышло таким живым и привлекательным. О некоторых погрешностях исторического порядка речь будет впереди.

Говоря об источниках откуда черпал Толстой свое знакомство с масонством, нельзя не сказать несколько слов и о книгохранилище Московского Руманцевского Публичного Музея. Это самое крупное в мире собрание масонских рукописей XVIII-го и начала XIX-го века⁸⁾. Оно включает в себя рукописные подлинники Новиковских масонских изданий, многие сочинения ненапечатанные по тем или иным соображениям, большое количество ритуалов разных градусов, протоколы заседаний разных лож, иоанновских и шотландских, масонскую переписку и т. д. Без ознакомления с этим собранием, составленным по преимуществу из архивов гр. М. Ю. Виельгорского и С. С. Ланского, нельзя получить

7) См., напр., письмо Толстого его тетке гр. А. А. Толстой от конца ноября 1865 г. (Толстовский Архив. Т. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. СПб. 1911. 8°. Стр. 214, № 61).

8) См. каталог масонских рукописей Московского Публичного и Руманцевского Музея. Москва. Печ. А. Н. Снегирева. 1900. 8°. (Приложение к «Отчету Московского Публичного Руманцевского Музея за 1899 год»).

полного представления о судьбах русского масонства. Более того, без коллекции Румянцевского музея нельзя писать историю шотландского устава. Только там сохранились в таком количестве и ритуалы, и материалы по работам лож в разных градусах и произносившиеся в этих собраниях речи. Такого собрания в Парижской Национальной Библиотеке — ныне самого богатого на Западе — нет. Неудивительно поэтому, что Толстой отметил и богатство, и интерес этих материалов. Ему было откуда почерпнуть данные о жизни масонских лож описанной им исторической эпохи. Недаром большинство слов, которые говорят масоны у Толстого заключены в ковычки — они целиком взяты или из речей, или из протоколов.

2. Повествование

Масонству посвящено не мало страниц «Войны и Мира», главным образом во втором и отчасти в третьем томе. Все упоминания о масонстве связаны с Пьером Безуховым и вся масонская карьера последнего постепенно проходит перед читателем, начиная с дорожной встречи в Торжке с Баздеевым (т. 2, стр. 90-99⁹⁾) и кончая поездкой Пьера в Петербург в 1820 году «для обсуждения важных вопросов, занимавших в Петербурге членов одного общества, которого Пьер был одним из главных основателей» (т. 4, стр. 366). Мы присутствуем и при принятии Пьера в Орден, куда его вводит по просьбе Баздеева Вилларский (т. 2, стр. 99-113) и при первых его шагах (т. 2, стр. 139) до отъезда в южные его имения и при том, как он «невольнo стал во главе петербургского масонства (т. 2, стр. 232), узнаем о его поездке за границу, где он «успел получить доверие многих высокопоставленных лиц», «проник много тайны» и «был возведен в высшую степень» (т. 2, стр. 235). Знакомимся с его неудачным выступлением в ложе о задачах масонства и имеем перед собой подлинный текст его речи (там же). Присутствуем при его свидании с Баздеевым (т. 2, стр. 239-241) и читаем отрывки из его масонского дневника, который он ведет по просьбе того же Баздеева (т. 2, стр. 241 и след.). Далее мы являемся свидетелями его разочарования в масонстве, которое заставляет его избегать общества братьев и вернуться к прежнему образу жизни (т. 2, стр. 399). Он с огорчением считает, что «в масонстве такое же несоответствие между словами клятвы и действительностью, как в остальной жизни» (т. 2, стр. 403). Впоследствии Пьер приходит к выводу, что «Бог в Каратаеве более велик, безконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитек-

9) Все указания на том и страницу сделаны по изданию И. П. Лодыжникова. Берлин 1920. 8° (в четырех томах).

торе Вселенной» (т. 4 стр. 281). Но в конце концов он видимо к масонству обращается вновь (в 1820 году), так как для него несомненно, что оно стало на тот путь, который он указывал в своей не понравившейся другим братьям речи: действовать активно на преобразование всего человечества усовершенствованием отдельных людей (т. 4, стр. 303 и след.). Правда Толстой не называет ни масонство, ни то общество, в котором Пьер был одним из главных основателей. Это умолчание, понятное по цензурным соображениям¹⁰), не может быть расшифровано иначе, как указание на декабристское движение и его масонские корни. В противном случае участие Пьера было бы необъяснимо. Этим же может быть объяснено и неприязненное отношение Пьера к мистицизму и мистикам (т. 4, стр. 385), в частности к князю А. Голицыну (т. 4, стр. 320, 379) и Библейскому обществу (т. 4, стр. 374).

Как уже было сказано, все масонские страницы романа связаны с Пьером и другие персонажи обнаруживают свое отношение к масонству только в беседах с Безуховым. Баздеев появляется лишь как наставник и руководитель масонской жизни Пьера (т. 2, стр. 90-99 и 234-241), оставаясь таковым даже после своей смерти (т. 3, стр. 439 и 489). Вилларский, видимо по замыслу очень деятельный масон, обрисован в романе только, как собеседник Пьера Безухова (т. 2, стр. 99 и сл., т. 2, стр. 234, т. 4, стр. 285-288). Пьер говорит Андрею Болконскому о задачах масонства и этот же разговор является для князя Андрея «эпохой с которой началась по внешности та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь» (т. 2, стр. 160). Из дальнейшего явствует — по разговору о перчатках, — что Болконский вступил в масонство (т. 2, стр. 295). Бориса Друбецкого принимает в масонство также Пьер и играет при его приеме первенствующую роль ритор¹¹), что оставляет в душе Пьера тягчайший осадок (т. 2, стр. 246). Наконец, даже Ростовичин беседует с Пьером о масонстве (т. 2, стр. 406). В виду этого иногда высказывается мнение, что масонство введено в роман лишь как один из элементов характеристики Пьера, жившего в Александровскую эпоху, т. е. в период расцвета масон-

10) В бумагах гр. Дмитриева-Мамонова, отобранных в 1826 г. при процессе декабристов, найден проект республиканской конституции («Былое», 1906, т. 2, стр. 77). О Дмитриеве-Мамонове см. ниже.

11) Толстой ошибочно считал, что ритором «назывался в масонстве брат, приготовляющий ищущего к вступлению в братство» (т. 2, стр. 103). Ритор это оратор ложи (называвшийся также «вития»), который по своей должности принимает ближайшее участие в обряде посвящения.

ской работы в России. Этой точки зрения, как мы видели, держался и Скайлер.

Верно, однако, другое: в Александровскую эпоху — как и во времена Екатерины — масонство было необычайно распространено в России. За малым исключением все мало мальски выдающиеся люди того времени имели то или иное отношение к масонству. Нет ни одного дневника той эпохи, где автору не приходилось бы говорить о масонстве или о масонах. Нельзя было описывать Александровское время не уделяя некоторого внимания масонству. О масонстве много говорит Жихарев¹²), являвшийся для Толстого одним из главных источников в бытовой части романа, в особенности для характеристики тех или иных членов московского или петербургского общества.

Во всяком случае Пьер является центральной фигурой в картине русского масонства, нарисованной Толстым. Поэтому естественно поставить вопрос: верно ли это изображение и носит ли оно портретный характер?

Существует мнение, что прототипом Пьера Безухова был граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов¹³). Вряд ли это вполне верно. Толстой писал сам¹⁴), что «все остальные лица (кроме Денисова и М. Д. Ахросимовой) совершенно вымышленные и не имеют даже для меня определенных первообразов, в предании или действительности». По отношению к Безухову это справедливо. Конечно, есть некоторое сходство: сын Екатерининского фаворита-красавца, сформировал на свои средства полк в 1812 году, отличался чудачествами, был масоном, принадлежал к ложе «Ищущих манну» и хотел вместе с Михаилом Орловым образовать общество «Русских Рыцарей». Но на этом сходство и кончается. Был он законным сыном, никогда не был женат, долго служил на военной службе, отличался, как и отец, красотой. Большую часть жизни прожил в деревне, где буквально никого не видел. Масонством интересовался сравнительно недолго и значительного следа оно в нем не оставило.

Верна ли вообще картина, нарисованная Толстым? В деталях несомненно да. Толстой с необычайной добросовестностью пользовался источниками, а таковых у него было великое множество и материалы были превосходные. Несомненно, что и речи, и от-

12) С. П. Жихарев. «Записки современника». Москва 1934 г. 2 тома. См. 1-й, стр. 65, 245-246, 325-326 и др.

13) См. напр.: Т. Bacounine «Le Répertoire biographique des franc-maçons russes (18 et 19 siècles)». Bruxelles. 1938. 4°, p. 123.

14) «Несколько слов по поводу книги «Война и Мир» (цитирую по изд. Лодыжникова о. с. IV. 466). «Русский Архив» 1868.

дельные слова — взятые всегда в ковычки — и дневник Пьера списаны дословно в Румянцевском музее. Дневник — видимо дневник гр. М. Ю. Виельгорского.

Разбирая «Войну и Мир» с военной точки зрения генерал Драгомиров¹⁵⁾ приходит к выводу, что отдельные черточки схвачены с необычайной точностью, чего нельзя сказать про всю картину в целом. Это применимо и к оценке изображения масонства.

Толстой говорит сам, что «Война и Мир» не историческая хроника (т. 4, стр. 463) и посему критиковать созданное им изображение ордена вольных каменщиков с точки зрения его соответствия историческим фактам не приходится. Важно установить верно ли схвачен дух и самая сущность масонского братства.

Отметим сначала две неточности, которые бросаются в глаза. Во первых указание, что сердце Пьера «не лежало к мистической стороне масонства» (т. 2, стр. 234). Толстой дважды это повторяет (т. 4, стр. 283). В этом случае Пьер не мог быть учеником и почитателем Баздеева-Поздеева, который был одним из самых близких соратников Лабзина и одним из самых глубоких мистиков, не признававших масонства вне христианского мистицизма. Второе несоответствие версии Толстого подлинному духу масонства, это прием Пьером Бориса Друбецкого (т. 2, стр. 246). Братья Пьера по ложе не могли не знать его семейной драмы. Самое обращение Баздеева с указанием, что братство протягивает ему руку (т. 2, стр. 92) было в момент тяжких семейных неурядиц у Пьера. Посему не могли братья назначить его играть главную роль при приеме ненавистного Пьеру человека.

Еще одно указание можно сделать; это неправдоподобность поездки «в поисках открытия масонской тайны» за границу в начале XIX-го века. Такая поездка могла иметь место в Екатерининское время. Навееяна она поездкой Шварца или путешествием В. И. Зиновьева, но, конечно, в Шотландию ехать было незачем. Нужно думать, что Толстой, как и многие другие, не подозревал, что к образованию шотландского масонства Шотландия никакого отношения не имеет.

Но все это отходит на дальний план сравнительно с тем, как проникновенно и точно передал Толстой смысл и значение принадлежности к братству вольных каменщиков. Это отчетливо проступает и в момент посвящения Пьера (т. 2, стр. 99-113), и в беседе Пьера с князем Андреем («эпоха в жизни Андрея». Т. 2, стр. 147, 156-160) и в непонравившейся великому мастеру речи Пьера (т. 2, стр. 235).

15) М. И. Драгомиров. «Разбор романа «Война и Мир» с военной точки зрения». Киев. 1895. §

Толстой относился к масонству если не совсем враждебно, то во всяком случае критически¹⁶⁾ и противопоставлял масонским поучениям философские рассуждения Платона Каратаева. И в представлении Пьера Каратаев явился «непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды» и «остался таким навсегда» (т. 4, стр. 70). В этом противопоставлении «каратаевской правды» масонскому «лабиринту», ложь которого ощутил разочаровавшийся Пьер (т. 2, стр. 247) и звучит осуждение масонству, которое намеревался высказать Толстой.

Вряд ли однако его так воспринимает читатель, которому приходится по воле автора рассматривать масонство сквозь призму отношения к нему Пьера Безухова и личных его переживаний, главным образом от огорчения неудавшейся семейной жизни с Элен. Но сам Пьер ведь соткан из противоречий и повинен и сам в переживаемых им неудачах и несчастьях. И не один раз, как свидетельствует автор, масонство являлось для Пьера не только источником утешения, но и давало ему возможность подняться на большую духовную высоту. И эти страницы написаны Толстым с такой яркостью и убедительностью, что впечатление от них не меркнет от последующих сомнений и колебаний. А это прежде всего потому, что написаны они верно.

В литературе есть мнение, что масонство Пьера Безухова есть опыт неудачный и что Толстой уже никогда не возвращался к подобным опытам¹⁷⁾. Есть и иная точка зрения¹⁸⁾. Первоначально и критика встретила сурово масонские переживания Пьера¹⁹⁾, но в широкой русской читающей публике отношение сложилось иное. Можно без ошибки утверждать, что со времени появления «Войны и Мира» (1865-1868) русские люди все, — а кто не читал романа Толстого? — стали знакомиться с былым русским масонством именно по описаниям деятельности и переживаний Пье-

16) Письма Толстого к жене (о. с. стр. 60). Но у него с молодых лет было глубокое уважение к деятельности Н. И. Новикова. Предисловие к «Утреннему Свету» навлекло его на мысль издавать «Круг Чтения». (См. «Толстой. Памятники творчества и жизни». Под. ред. В. И. Срезневского. Москва 1928. Т. 2, стр. 188 со ссылкой на дневник 19-20 дек. 1853 года).

17) Д. С. Мережковский о. с. I, стр. 209.

18) Овсяннико-Куликовский. Собр. соч. т. 3, Толстой. Москва. Гос. Изд. 1928. 8°. Гл. 7-я, «Пьер Безухов», стр. 105-128.

19) См. напр. «Голос» 1868 г. № 11. Библиография и журналистика; А. Пятаковский «Историческая эпоха в романе гр. Л. Н. Толстого», «Неделя» 1868, №№ 22, 23 и 26; С. Сычевский «Война и Мир гр. Толстого» «Одесский Вестник» 1868, №№ 153 и 155.

ра Безухова. В смысле популярности Ордена Вольных Каменьщиков эпопея Толстого сделала не меньше, чем вся историческая литература, и сделала так, что в кругах интеллигенции любили и ценили старое русское масонство. И многие стали верить, как Пьер после разговора с Баздеевым, «в возможность братства людей, соединенных с целью поддержать друг друга на пути добродетели» и таковым представляется им масонство.

Бр. Пав. Бурышкин.

Слово Вольных Каменьщиков

Проф. мир, переживающий моральный кризис, полный неуверенности в завтрашнем дне, ищет разрешения волнующих его вопросов в методах ему свойственных и все больше и больше погружается в хаос взаимного непонимания.

Мас. же продолжает оставаться «обществом мысли», подобно предшествовавшим ему организациям XVIII-го века и его единственным оружием является слово, эту мысль выражающее. Но что значит человеческое слово в мире, по которому скачут страшные всадники Апокалипсиса, судьбы которого определяются энергией атомного распада, радиусом действия «летающих крепостей», производительностью заводов и распределением нефтяных залежей, где человек рассматривается лишь как «прислуга» при орудиях или станках. Однако Честертон правильно заметил, что еще никто не пошел на смерть только за то, чтобы «его родина получила право ловли жемчуга в Персидском заливе». Люди остаются идеалистами, особенно когда дело идет о жертве жизнью, они борются и умирают за идеи, идеалы и абстракции, за «честь знамени», за «свое отечество», «национальное достоинство», «свободу всего мира», «счастье грядущих поколений» — пускай эти идеи часто прикрывают реалистические и эгоистические интересы.

Идеи и идеалы выражаются словами и вот почему в нашу сугубо материалистическую эпоху слово, человеческое слово, имеет такое огромное значение, является оружием, по своему действию не уступающему атомной бомбе. Никогда еще в истории мира правители и вожди не испытывали такой жестокой борьбы словом и за свободу слова, борьбы пользующейся всеми достижениями техники, усиливающей и распространяющей каждое произнесенное слово.

Но мас. слово совершенно отлично от слова «общественного». Это слово, «le courant d'idées», не должно быть заглушено шумом словесной войны, охватившей мир. Мас. слово может найти «хорошую акустику» при условии, если Орден начнет борьбу с отрицательным явлением, порожденным мировым кризисом и препятствующим его преодолению.

Явление это состоит в трагическом парадоксе: чем больше